

TARIQA AND TRADE: NAQSHBANDIYYA TRADE ACTIVITY IN THE TIMURID ERA

Faridun Allahyari
Mortaza Nura'i
Ali Rasuli
s.allahyari@ltr.ui.ac.ir

This article is devoted to the study of the relationship between the Naqshbandiyya and trade activities in the Timurid era (771 – 913 H/1370 – 1507). An appeal to the ideological principles of this tariqa will clarify the intellectual factors that laid the foundations for the economic activity of its followers. These factors can be divided into four concepts - solitude in society (khalvat dar anjuman), hidden dhikr (dhikr-i khafi), service (khizmat) and work. The presence of the doctrine regulating economic activity in the Naqshbandi order had three important consequences: firstly, the widespread dissemination of this tariqa among peasants and artisans as the most important productive forces; secondly, the support of the tariqa by Timur and his successors; thirdly, the development of a positive attitude towards wealth and power. These consequences allowed the Naqshbandis to get productive forces and political support at their disposal. Thus, the leaders of the tariqa managed to expand their spiritual and material influence in Transoxiana and Khorasan.

The territory of Transoxiana was the cradle of the Timurid state, the patrimony and center of the Khvajagan tariqa, the intersection point of various trade routes and was considered one of the key centers of the Great Silk Road. This situation, coupled with the previously mentioned factors, contributed to the activity of the Naqshbandis in the field of trade during this period.

The large-scale trade activity of the Naqshbandis during this period had an important impact on this tariqa in three directions. Firstly, Naqshbandiyya spread throughout the Great Silk Road, in Central Asia and East Turkestan up to the borders of China. Secondly, it endowed the Naqshbandiyya leaders with wealth, affluence and influence, whereas previously the desire for a worldly life was something unprecedented for Sufi Tariqas, which in the XVI century led to the beginning to disputes and discussions around the connection between tariqa and economic activity. The third consequence was the tragic impact that this activity had on the leaders of the Naqshbandiyya tariqa in the last quarter of the XV – first half of the XVI century, that is, on the Ahrar clan. As a result of the growth of economic influence and close ties with the Timurid state, they inevitably had an impact on the final outcome of this state. The study of the connection between the Naqshbandi Tariqa and trade in the Timurid era from the very beginning to the end is a concrete historical consideration of the important question of what was the connection between the economy and the Tariqa in the history of Iran.

Keywords: *Naqshbandiyya, Timurids, trade, economic situation, the Great Silk Road.*

Faridun Allahyari
Mortaza Nura'i
Ali Rasuli
University of Isfahan

ТАРИКАТ И ТОРГОВЛЯ: ТОРГОВАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАКШБАНДИЙА В ЭПОХУ ТИМУРИДОВ*

**Фаридун
Аллахьяри
Мортаза Нураи
Али Расули**
s.allahyari@ltru.ac.ir

Предлагаемая вниманию читателя статья посвящена изучению связи между тарикатом Накшбандийа и торговой деятельностью в эпоху Тимуридов (771–913 л. х.¹/ 1370–1507). Обращение к идеологическим установкам этого тариката прояснит интеллектуальные факторы, заложившие основы экономической деятельности его последователей. Можно выделить четыре принципа, сформировавшихся под влиянием этих факторов: (халват дар анджуман), скрытый зикр (зикр-и хафи), служение (хизмат) и труд. Наличие в накшбандийском тарикате учения, регламентирующего экономическую деятельность, имело три важных последствия: во-первых, широкое распространение этого тариката среди крестьян и ремесленников как важнейших производительных сил; во-вторых, поддержку тариката со стороны Тимура и его преемников; в-третьих, выработку положительного отношения к богатству и власти. Эти последствия позволили накшбандийцам получить в распоряжение производительные силы и политическую поддержку. Таким образом, лидеры тариката сумели расширить свое духовное и материальное влияние в Мавераннахре и Хорасане.

Территория Мавераннахра стала колыбелью государства Тимуридов, вотчиной и центром тариката хваджаган, точкой пересечения нескольких торговых путей и считалась одним из ключевых центров Великого шелкового пути. Это положение, вкупе с ранее указанными факторами, способствовало активизации накшбандийцев в сфере торговли в этот период.

Широкомасштабная торговая активность накшбандийцев в этот период оказала важное влияние на этот тарикат по трем направлениям. Во-первых, тарикат Накшбандийа распространился на всем протяжении Великого шелкового пути — в Центральной Азии и Восточном Туркестане, вплоть до границ Китая. Во-вторых, она наделила лидеров Накшбандийа богатством, достатком и влиянием, тогда как ранее стремление к мирской жизни было чем-то беспрецедентным для суфийских тарикатов, что привело к началу XVI века к спорам и дискуссиям вокруг связи между тарикатом и экономической активностью. В-третьих, эта активность оказала значительное влияние на лидеров тариката Накшбандийа в последней четверти XV — первой половине XVI века, то есть на клан Ахрара. В результате роста экономического влияния и тесных связей с государством Тимуридов они неизбежно оказали воздействие и на судьбу этого государства. Изучение связи между

**Фаридун
Аллахьяри
Мортаза Нураи
Али Расули**
(Кафедра истории
и иранистики
Исфаханского
университета)

*. Перевод с персидского И. Гибадуллина.

1. Здесь и далее по тексту даты даются в их оригинальном виде (по календарю лунной хиджры) и по григорианскому календарю.

накшбандийским тарикатом и торговлей в эпоху Тимуридов представляет собой конкретно-историческое рассмотрение важного вопроса о том, какой была связь между экономикой и суфийскими орденами в истории Ирана.

Ключевые слова: Накшбандийа, Тимуриды, торговля, экономическая ситуация, Великий шелковый путь.

ВВЕДЕНИЕ

Эпоха Тимуридов (1370–1507), со всеми бедствиями, сопровождавшими ее в начале, и с той анархией, которая установилась в ее конце, была свидетельницей развития торговли в Мавераннахре и Хорасане, в районе Персидского залива и на территориях между этими двумя ареалами, то есть в Фарсе, Кермане, Йезде. Жители этих ключевых районов, в свою очередь, поддерживали активные контакты с внешним миром и осуществляли процветающую торговую активность, которая породила расцвет и роскошь таких городов, как Хормоз, Шираз, Йезд, Самарканда и, в особенности, Герат. В сфере торговли регион Мавераннахра имел выход к Великому шелковому пути, Китаю, Центральной Азии, а район Персидского залива — к Индии и к маршрутам доставки специй. С другой стороны, с позиций религиозной топографии, это пространство уместно поделить на две части — северную и южную, так что северную половину, а именно Мавераннахр и Хорасан, можно считать сферой деятельности тариката Накшбандийа, а южную половину — от Йезда до Персидского залива — сферой влияния тариката Ни'матуллахи. В свете исторических источников, древних памятников, антропогеографии и религиозных структур исследователь способен отыскать следы этих двух тарикатов на указанных маршрутах.

Может ли совпадение географии религиозных сообществ и тарикатов с географией экономической и торговой деятельности иметь некий смысл? И в случае наличия такого смысла какие можно выявить связи между этими, казалось бы, не связанными друг с другом факторами? Настоящая статья представляет собой попытку найти ответ на эти два вопроса на примере изучения Накшбандийа. Очевидно, этот выбор ограничивает в пространственном отношении сферу исследования регионами Мавераннахра и Хорасана, то есть основными центрами тариката Накшбандийа. Ворота двух знаменитых столиц государства Тимуридов — Самарканда и Герата — были, с одной стороны, открыты Китаю, а с другой — Персидскому заливу и Индийскому океану; это положение, вне всякого сомнения, во многом определило экономическую ориентацию тариката Накшбандийа.

Основная гипотеза данного исследования состоит в том, что благодаря наличию экономических составляющих в их учении, их прочным связям с государством Тимуридов и, в конце концов, их широкой базе среди профессиональных ремесленников в этот период накшбандийцы принимали активное участие в торговой деятельности.

Данное исследование произведено с опорой на исторический метод; использованные сведения были собраны нами в ходе изучения исторической литературы и документов. Основная часть сведений, приведенных в статье, извлечена в первую очередь из оригинальных накшбандийских источников, а именно: «Рисала-и кудсийа», «Анис ат-талибин», «Рашахат 'айн ал-хайат», «Малфузат-и Хваджа Ахрар», «Хаварик-и 'адат-и Ахрар» и «Такмила-и Лари», а также из многочисленных источников по истории государства Тимуридов.

Насколько известно автору, в имеющихся исследовательских работах, посвященных торговле и экономике государства Тимуридов, а также в исследованиях по тарикату Накшбандийа отсутствуют какие-либо отсылки к связи учения этого тариката с торговой деятельностью эпохи Тимуридов, хотя имеются монографии, посвященные богатству и влиянию Хваджи Ахрара. Спорадические указания на эту проблему содержатся в работах двух ныне уже покойных иранских исследователей. Али Мазахери кратко охарактеризовал значение накшбандийцев на Великом шелковом пути, а Абдольхосейн Зарринкуб упомянул о той базе, которую имел тарикат в торгово-ремесленной среде. Именно эти краткие указания сформировали первоначальный замысел этой работы.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ОТНОШЕНИЯ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СУФИЗМЕ

Как нам кажется, следы экономических взглядов в суфийских тарикатах следует искать в связи с генеалогией понятия «аскетизм» (*зухд*). Использование этого понятия считается самой ранней и наиболее известной отличительной чертой суфийской мысли. Основной, традиционный подход к аскетизму состоял в отождествлении последнего с монашеством и отказом от мирской жизни и ее удовольствий. Особенности этого мировоззрения служили пренебрежительное отношение к богатству, имуществу и профессиональной деятельности, голод, аскеза, ношение власяницы, ночные бдения, восхваление бедности и нищеты, отдаление от людей, добровольное скитальчество, жизнь в пустыне или пещере, нищенствование и даже попрошайничество (Аттар, 1336, сс. 36, 51, 52, 55, 59, 112, 113, 249).

Отшельничество и отказ от мирского — вот основные суфийские практики, популярные среди суфиев I–II века хиджры/VII–VIII вв. Их отношение к экономической деятельности оставалось полностью негативным. Например, Суфйан ас-Саури в ответ на вопрос человека, решившего узнать, как тот относится к занятию ремеслом, сказал: «Побойся Аллаха, ибо я не видел ни одного страшящегося [Аллаха], который нуждался бы в заработке на жизнь» (Аттар, сс. 176/2–177). На начальном этапе истории ислама в качестве реакции на это суфийское определение аскетизма, имеющее достаточно длительную историю в индийских и иранских религиях, а также в христианстве, имели место критические высказывания, самое раннее из которых можно обнаружить в знаменитой истории о том, как Пророк осудил ‘Усмана ибн Маз’уна за то, что тот оставил свой дом и семью. Еще одним подтверждением такого отношения является наличие в корпусе Сунны многочисленных преданий о ценности заработка на жизнь и труда, о порицании бедности и восхвалении тех, кто прилагает усилия ради обеспечения пропитания. Несмотря на это, первый подход продолжал существовать и с прежней силой оказывать влияние на мусульман.

Суфии в III–IV веках хиджры/IX–X вв. не только сохранили в качестве фундамента и базового принципа аскетизм, благочестие и отказ от мирского, но пошли еще дальше, дополнив эту конструкцию новыми элементами. В этот период их рассуждения и дискуссии переросли в ожесточенную полемику о том, что предшествует другому — шариат или истина (*хакикат*)? Передовая часть мистиков в этот период признавала первостепенность истины по сравнению с шариатом (Аттар, 1336, сс. 154–159). Верные этой интуиции Халладж и Байазид Бистами позволяли себе такие высказывания, как «Аз есмь Аллах» (*'ана Ллах*) и «под этой джуббой нет никого, кроме Аллаха» (*лайса фи джубба-*

ти *'илла Ллах*). В качестве реакции на эти убеждения сформировалось срединное течение, которое стремилось сочетать «шариат» и «тарикат». Очевидный пример устремления такого рода можно усмотреть в противодействии Джунайда ал-Багдади Мансуру ал-Халладжу или во внимании, которое Ибн Хафиф уделял соблюдению норм шариата ('Аттар, 221/1, 34/2, 217; Зарринкуб, 1385; Арзеш, 69). Этот курс на умеренность получил продолжение в XI веке в критических высказываниях таких авторов, как Абу-л-Касим ал-Кушайри, об Абу Са'иде ибн Аби-л-Хайре по поводу необходимости следования шариату (Амид Зенджани, 1366, сс. 214–215). Несмотря на это, дискуссии об аскетизме продолжались. Если среди большинства суфиев основную роль все еще сохранял отказ от мирского, то существовали и диссидентские группы, восставшие против бедности и отказа от мирского и признававшие возможность существования суфизма без бедности как обязательного условия вступления в ордены (Амид Зенджани, 1366, сс. 214–215). Хотя этот настрой не получил в то время всеобщего признания, традиция критического отношения к суфизму, призывающему к оставлению мирского, нашла историческое продолжение.

В XII–XIII веках течение в суфизме, призывавшее к оставлению мирского, все еще занимало господствующие позиции, однако в некоторых случаях оно сопровождалось радикальными религиозными доктринами, вроде веры во вселение божества (*хулул*), в единство бытия (*вахдат*), опьянение (*сукр*) и экстаз; это учение проповедовалось, в частности, Абу-л-'Аббасом Ахмадом ар-Рифа'и, 'Аттаром Нишабури, 'Абд ал-Кадиром Гилани, 'Айн ал-Кудатом ал-Хамадани, Ибн Рузбиханом ал-Бакли аш-Ширази, Мухйи ад-Дином ал-'Араби и Мавланой Джалал ад-Дином Руми. Противостояло им критически настроенное и более умеренное течение, основанное шейхом Ахмадом Джамом, верившим в необходимость приверженности шариату и воздержания от подобных крайностей (Амид Зенджани, 1366, сс. 423–424). В XII веке 'Абд ал-Халик Гидждувани заложил в Мавераннахре доктринальные и ритуальные основы тарикатов, которые в последующем были названы хваджаган и Накшбандийа. Как мы дальше увидим, учение его тариката проложило путь к полному примирению между суфизмом с одной стороны и «добычей пропитания», экономической деятельностью — с другой. Тем не менее учение Гидждувани не привлекло к себе внимания в широкой среде при его жизни, и появление тариката, основанного на этом учении, отодвинулось еще на три столетия.

Той движущей силой, которая произвела переворот в одном из направлений суфизма, по крайней мере, в отношении к экономике, оказались трагичное нашествие монголов и его последствия. Эта катастрофа в силу тех социальных и экономических бедствий, которые она породила, заставила некоторых представителей суфийской элиты искать пути противодействия этим бедам. Именно благодаря этим людям подходы, основанные на оставлении мирского и отдалении от политической власти, составлявшие основное направление, постепенно были оттеснены на периферию общественной мысли. В учении и подходах таких деятелей, как Бекташ Вали Нишабури, 'Ала ад-Даула Симнани, шейх Халифа Сабзивари, шейх Хасан Джури и, особенно, Баха' ад-Дин Накшбанд Бухари, можно проследить историю и даже хронологию этой трансформации. Бекташ Вали (род. 604 л. х./1208), переселившийся из Хорасана в Малую Азию и примкнувший к Орхану Гази (724–761 л. х./1324–1362), второму османскому султану, основал тарикат бекташи (Данешнаме..., 1383, с. 191; Чахардахи, 1360, сс. 338–339), важной особенностью которого стало учение о необходимости поддерживать отношения с государством. Преемники Бекташа Вали продолжили эту традицию близких отношений с правителя-

ми. В результате тарикат бекташи постепенно стал официальным культом янычарского войска и таким образом проник на Балканы, сыграв важную роль в исламизации этого региона (Собхани, 1355, сс. 511–512). Хотя мы и немного знаем о роли бекташийцев в торговле, благосклонное отношение к ним в Османском государстве и армии может указывать на их участие в экономической деятельности.

В свою очередь, 'Ала ад-Даула ас-Симнани (ум. 737 л. х./1336) считал общение с эмирами и правителями подходящим для решения проблем угнетенных средством (Джами, 1373, сс. 482–490); он отвергал бедность и рассматривал обладание богатством как естественное право людей (Дуглат, 1383, с. 578). Некоторое время он оставался наставником Шейха Халифы, духовного отца движения сарбедаров. Ближе к концу жизни ас-Симнани, шейх Хасан Джури, ученик и преемник Шейха Халифы, создал вместе с мюридами полноценное политическое движение, имевшее целью восстановление в правах угнетенных и создание справедливого государства. Значение учения ас-Симнани было настолько велико, что даже в XV веке Джами, один из богатых и крупных деятелей Накшбандийи в Хорасане, в продолжение споров с критиками ссылался на слова ас-Симнани о допустимости обладания богатством (Дуглат, 1383, с. 578). Эти отсылки к 'Ала ад-Даула красноречиво характеризуют его влияние на тарикат Накшбандийа и еще лучше демонстрируют значение его новаторских подходов для суфизма.

Стремительное сближение некоторых суфийских тарикатов с высшей политической властью, приведшее к созданию государств Сарбедаров и Мар'ашидов, в конечном итоге обернулось неудачей с победой Тимуридов (нач. XV века). Как и другие местные силы в Иране, Сарбедары и Мар'ашиды были поставлены на колени неограниченной властью Тимура. Именно эта трагедия в числе других внутренних проблем и противоречий обрекла упомянутые выше правящие группы на ослабление и распад. Оба этих фактора задержали на целое столетие появление суфийского правления. Те тарикаты, которые принялись бороться с державой Тимуридов, вроде хуруфийа и нурбахшийа, столкнулись с суровыми репрессиями. Как нам представляется, эти события повлияли на формирование тесной связи тариката Накшбандийа с политической властью Тимуридов и экономической жизнью иранского общества в XV веке. Ниже мы убедимся в том, что тарикат Накшбандийа представлял собой своеобразный венец развития того умеренного учения, согласно которому духовное самосовершенствование считалось совместимым с участием в экономической жизни.

1. Тарикат Накшбандийа: связь суфизма с бытовой жизнью

Как следует из названия тариката Накшбандийа, он восходит к Хвадже Баха' ад-Дину Мухаммаду Накшбанду (ум. 791 л. х./1389). Однако предпосылки возникновения этого тариката прослеживаются начиная со второй половины XII века. Один из учеников Абу Йа'куба Йусуфа Хамадани по имени 'Абд ал-Халик Гидждувани (ум. 575 л. х./1179) откололся от кружка своего учителя, оказав предпочтение скрытому зикру (*зикр-и хафи*) перед явным (*зикр-и джали*). Затем он теоретически закрепил это обособление, выдвинув восемь принципов, в том числе «единение в обществе» (*халват дар анджуман*) (Кашифи, 1356, сс. 34/1–35). Таким образом, ему и следует отдать пальму первенства в создании тариката Накшбандийа. Достижения Гидждувани дошли по цепочке преемников до Баха' ад-Дина Мухаммада Накшбанда. Все они были выходцами из сел в окрестностях Бухары (Кашифи, 1356, сс. 75–77), но ни в одном из источников XII–XIV вв. не встречаются упоминания о Гидждувани и его учении. Из этих свидетельств можно, пожалуй, сделать вывод

о том, что за два столетия, вплоть до времени Баха' ад-Дина Накшбанда, идеи Гидждувани не имели особого распространения за пределами узкого круга его мюридов и учеников. Этот вывод представляется приемлемым по той причине, что только в накшбандийских текстах начала XV века появляются упоминания о Гидждувани и важности его учения, что совпало по времени с расцветом этого тариката и его широким распространением в регионе Мавераннахра и Хорасана, произошедшим благодаря усилиям Хваджа Баха' ад-Дина Накшбанда. После Баха' ад-Дина наставниками тариката стали его преемники — Хваджа 'Ала ад-Дин 'Аттар (ум. 802 л. х./1400), Хваджа Мухаммад Парса (ум. 822 л. х./1420), Мавлана Йа'куб Чархи (ум. 851 л. х./1447) и Хваджа Са'д ад-Дин Кашгари (ум. 860 л. х./1456). Пик влияния и славы этого тариката пришелся на вторую половину XV века, когда его возглавлял Хваджа 'Убайдаллах Ахрар (ум. 598 л. х./1489).

Именно в учении накшбандийского тариката в конце концов было сформулировано такое понимание суфизма и аскетизма, в котором уделялось наибольшее внимание быту, труду и заработку на жизнь, и оно тем самым в наибольшей мере дистанцировалось от монашества и отказа от мирской жизни. Доверие и благосклонное отношение Тимура и его преемников к шейхам тариката Накшбандийа, одобрительное отношение учения накшбандийцев к труду, профессиональной деятельности, богатству, их экономической и политической деятельности, официальное признание власти государства и взаимодействие с ним, идея служения людям — все это являлось признаком важного поворота внушительного крыла суфийского движения к примирению с мирскими властями и отрицанию суфизма, призывающего к отказу от мирского. Иначе говоря, накшбандийцы стояли у истоков религиозного учения, которое в некотором роде выработало подлинно этическое отношение к ценности труда, профессиональной деятельности и капитала. По-видимому, этот подход можно уподобить тому, что Макс Вебер называет «протестантской этикой», что позволит правильно оценить его значение в экономической жизни общества XV века.

1.1. Социально-экономические элементы в учении Накшбандийа

Тарикат Накшбандийа зародился в Мавераннахре, на территории, длительная история которой была постоянно связана с торговлей. Этот регион был местом пересечения торговых путей, которые соединяли Китай и Центральную Азию с Ираном и Европой, а Индию и Хорасан — с Хорезмом и территорией современной России. Это превосходное расположение превратило торговлю в историческую характеристику цивилизованной жизни в этом регионе. Если принять во внимание исторический опыт согдийцев и манихеев доисламского периода, пользовавшихся экономическими возможностями этого региона и активно участвовавших в торговле на Великом шелковом пути, то можно считать, что на экономическую ориентацию тариката Накшбандийа в значительной мере повлияли благоприятная среда Мавераннахра и издревле существовавшие там традиции торговли.

Отличительная особенность Накшбандийа по сравнению с другими тарикатами состоит в акценте на тех принципах учения, которые сочетались с социально-экономической активностью. Важнейшими из этих принципов были скрытый зикр, уединение в обществе, служение и труд. Два первых принципа постулировались с целью облегчения бремени правил и церемониала, а два последних — с целью поощрения благотворительности, трудовой и социальной активности. Эти социально-экономические мотивы были четко отражены в следующем известном высказывании Гидждува-

ни: «Нужно снять с людей тяжкий груз, а это невозможно сделать, не получив при этом чистого заработка. Руки — делу, а сердце — Другу» (Кашифи, 1356, с. 457/2). С другой стороны, духовный авторитет этих принципов был упрочен путем их возведения к пророку Хизру (Кашифи, 1356, с. 36). Выдвижение этих принципов стало реакцией на изоляционистское учение, которое вело к экономическому упадку в обществе и препятствовало естественному ходу экономической жизни. В XIV веке Баха' ад-Дин Мухаммад Накшбанд, подчеркивавший эти принципы и пропагандировавший их, получил известность в качестве основателя нового тариката, который был назван в его честь, — тариката Накшбандийа.

1.1.1. Скрытый зикр (*зикр-и хафи*) и уединение в обществе (*халват дар анджуман*)

Скрытый зикр и уединение в обществе — это два фундаментальных принципа тариката Накшбандийа, придающих ему уникальность (Лари, 1343, с. 2; Бухари, 1354, с. 85). Зикр является одним из главных этапов духовного самосовершенствования в суфийских тарикатах. Скрытый зикр (*зикр-и хафи*), или зикр сердца, противопоставляется явному зикру (*зикр-и джахр*). Уже при первых шейхах тариката, когда Хваджа 'Абд ал-Халик Гидждувани выдвинул «скрытый зикр», отделившись от своего наставника и пира Хваджа Абу Йа'куба Йусуфа Хамадани, и после этого вплоть до начала XV века господствующим учением суфиев был «явный зикр» (Кашифи, 1356, сс. 36/1–2, 457; Нишабури, 1380, с. 163). Если явный зикр предполагал определенные правила, требовал подходящего места и времени, или, по крайней мере, временного отстранения от социальной активности, то благодаря акценту на скрытом зикре и отрицанию явного зикра шейхи Накшбандийа попытались снять эти ограничения, перенеся отличие последователей тариката от простых людей из социальной плоскости в пространство внутреннего аскетического делания — «с языка в сердце». Таким образом, результатом этого нововведения в тарикате стала гармонизация отношений его адептов с «внешними» людьми и социально-экономической активностью общества.

Еще одним важным принципом ордена стал императив уединения в обществе (*халват дар анджуман*), предложенный в качестве альтернативы изоляции и отшельничеству. В накшбандийских текстах этот принцип был выражен в десятках афоризмов и наставлений: «Занятие зикром и погружение в него [должно достичь] такой степени, что человек, придя на базар, не услышит никаких слов и звуков, потому что зикр овладел самим его сердцем» (Ахрар, 1380, с. 159; Кашифи, 1356, с. 43/1). Пребывание внутренне с Богом, а внешне — с людьми, отрешение от собственной самости и пребывание с людьми (Кашифи, 1356, сс. 265, 350), нахождение с ними и солидарность с ними, следование общей манере людей, отрицание их разделения на простой люд (*'амма*) и избранных (*хасса*) (Лари, 1343, сс. 9, 37) — эти принципы считались, с одной стороны, залогом благополучия и процветания, а с другой — условием приближения к Богу (Лари, 1343, сс. 9, 37; Бухари, 1354, с. 85). Таким образом, накшбандийцы сочетали бытовую жизнь и духовность для того, чтобы «жить с людьми и как люди», точнее говоря, чтобы участвовать в экономической и социальной жизни. За всеми этими определениями и характеристиками стоит признание конструктивной роли последователей ордена в экономической и социальной жизни общества, что дает нам основной ключ к пониманию уникальных особенностей тариката Накшбандийа.

Следствием этих двух принципов и вытекавшей из них ориентации на народ было постепенное отдаление от суфийских радений (Кади Самарканди, 1380, сс. 152–156; Нишабури, 1380, с. 436). Благодаря вере в эти два принципа последователи тариката сумели без необходимости прибегать к сложным ритуалам и обременительным правилам заниматься, подобно простым людям, трудовой и профессиональной деятельностью, не оставляя в то же самое время и духовного самосовершенствования. Джамии усматривал красоту этого тариката именно в том, что его можно было практиковать «повсюду, со всеми и в любых ситуациях» (Лари, 1343, с. 16). В свете этих особенностей в начале XV века ‘Али ибн Хусайн Кашифи следующим образом описывает накшбандийцев в своей касыде: «Обладают они внешним обликом от этого мира и нутром — из того мира, внешне — они простолюдины, а внутренне — они избранные. Подобно тому, как мускусный мешок спрятан под хвостом, они — свеча на каждом собрании и оживление на каждом базаре» (Кашифи, 1356, сс. 659/2–661). Иными словами, в качестве цели и следствия этих принципов выступает баланс между мирским и духовным, между бытовой жизнью и суфийскими практиками.

1.1.2. Служение и труд

Твердая вера накшбандийских шейхов в скрытый зикр и уединение на людях способствовали росту популярности среди адептов этого тариката двух понятий — служения и труда, что аргументировалось тем, что присутствие и занятие деятельностью среди людей с целью принесения им пользы служит залогом блага, тогда как отшельничество означает стремление к славе (Бухари, 1383, сс. 48–49, 70).

Точка зрения Накшбандийа в отношении принципа служения эксплицирована в двух известных текстах, принадлежащих Гидждувани и Хвадже Баха’ ад-Дину Накшбанду: «Закрой дверь уединения и открой дверь служения, закрой дверь наставничества (*шайхи*) и открой дверь помощи (*йари*), закрой дверь затворничества (*узлат*) и открой дверь дружбы (*сухбат*). Кто жаелает самости, тот не себялюбив, а кто жаелает другого, тот себялюбив. Будь подобен свече, чтобы приносить другому свет, и не будь подобен свече, чтобы самому оставаться в темноте» (Бухари, 1383, сс. 54, 79, 85). Некоторые видные деятели тариката в XV веке, в том числе Мавлана ‘Атар и Хваджа Ахрар, ставили служение даже выше поклонения: «Что вам от этого сидения и поклонения? Старайтесь и стремитесь принести мусульманину пользу. Служение, которое ведет к искреннему принятию, превосходит зикр и медитацию (*мурাকাба*)» (Ахрар, 1380, сс. 206, 244). Эти голоса, очевидным образом, являются эхом той неоднозначной политической, социальной и экономической обстановки, которая сложилась в Мавераннахре на рубеже XIV–XV веков и жертвами которой стали простые люди, в результате чего получили распространение самоизоляция, нищенство, стремление к внешней атрибутике и бедность. В высказываниях Хваджи Баха’ ад-Дина и его преемников будто бы различимы голоса людей, критиковавших уединение, роль шейхов и отшельничество, а потому побуждавших народ к служению, благотворительности, труду и усердию. В итоге служение и помощь стали в значительной мере постулироваться как одно из ключевых этических положений — «столпов» — тариката.

По мере укрепления государства Тимуридов, утверждения мира и безопасности в стране концепция служения стала выходить за рамки индивидуальной и социальной сферы, распространяясь на политические отношения. Двумя выдающимися пред-

ставителями этого нового учения были Нур ад-Дин 'Абд ар-Рахман Джами и Хваджа 'Убайдаллах Ахрар. Согласно учению Ахрара, подлинный суфий — это тот, чье присутствие всегда служит причиной спокойствия и мира среди людей, и благодаря дружбе и общению между ним и султанами правители тоже стремятся обеспечить интересы людей (Ахрар, 1380, с. 170). Оба шейха поддерживали тесные связи с государством Тимуридов, и каждый из них оставил после себя многочисленные сочинения, посвященные решению проблем народа правителями (Ахрар, 1380; Джами, 1378).

Принятие принципов скрытого зикра, уединения в обществе, служения и помощи людям привело к тому, что суфии-накшбандийцы обратились к труду и профессиональной деятельности. В принципе, целью скрытого зикра было сокрытие достигнутых adeptом мистических стоянок (*макамат*) или состояний (*ахвал*), что было неосуществимо без занятия каким-нибудь ремеслом или делом (Лари, 1343, сс. 2–3). В результате последователи духовного пути были вынуждены заниматься не только религиозными науками, но также торговлей или каким-нибудь ремеслом, чтобы скрывать от посторонних свой духовный опыт и воздерживаться от того, чтобы выделяться на людях (Ахрар, 1380, с. 196; Кашифи, 1356, с. 285/1). С другой стороны, профессия или ремесло стали рассматриваться как нечто самоценное, так что еда, полученная благодаря труду и заработку на жизнь, стала цениться выше, чем райское угощение (Ахрар, 1380, с. 211).

После того как накшбандийцы отказались от отшельничества, они стали поощрять такие виды деятельности, как производство, торговля и экономические операции в целом. Очевидным отражением этого поворота является один рассказ, принадлежащий перу Хваджи Баха' ад-Дина Накшбанда: «Я видел двоих в Мекке, один был крайне щедрым, а другой — крайне скупым. Скупым был тот, кто во время тавафа схватился за кольцо дверей дома и в таком благородном месте, в столь дорогой час просил Пречистого Господа о чем-то, а щедрым был тот молодой человек на базаре в Мине, который осуществил куплю-продажу примерно на пятьдесят тысяч динаров, и за это время его сердце ни на мгновение не позабыло о Пречистом Господе. От [восхищения] страстной преданностью этого юноши сердце мое истекало кровью» (Кашифи, 1356, с. 456/2). Этот текст акцентирует важность зикра сердца, а также примечательный настрой на то, что торговля не только не противоречит учению тариката, но в случае, если она сочетается с поминанием Бога, превосходит по ценности таваф вокруг Каабы, сопряженный с просьбой о чем-либо мирском.

Из процитированных источников явствует, что труд и ремесло представляли собой нечто вроде сосуда, в который можно было поместить такие ведущие принципы тариката, как скрытый зикр, уединение в обществе и помощь другим людям. В итоге занятие каким-либо ремеслом, без которого ни один из этих принципов не был бы осуществимым, стало одним из условий для вступления в этот тарикат (Лари, 1343, с. 35). Как нам кажется, установившие в качестве общеобязательных практик скрытый зикр и уединение в обществе шейхи Накшбандийа попытались, указав на важность служения и труда, неким образом примирить и согласовать духовную и материальную жизнь, духовный путь и бытовую деятельность, тарикат и экономику. Их мотивы восходят к специфике традиций родного для них и их последователей города, к укорененности торговой активности в истории Мавераннахра. К важным последствиям применения этого умеренного подхода можно отнести, с одной стороны,

распространение накшбандийского тариката в Центральной Азии, а с другой — формирование связи между его последователями и торгово-ремесленной элитой. В итоге торгово-ремесленная деятельность получила распространение среди последователей этого тариката, что в значительной степени способствовало расцвету торговли в XV веке, в особенности в Хорасане и Мавераннахре.

1.2. Социально-экономическая база и структура Накшбандийа

Учение Накшбандийа, как было сказано, создало благоприятную почву для экономической активности. Те группы, которые раньше рассматривали присоединение к суфийским течениям в качестве препятствия для экономической деятельности и получения прибыли, теперь имели дело с тарикатом, который не только не отрицал трудовой и ремесленной деятельности, но и считал ее необходимым условием духовного самосовершенствования. В результате тарикат Накшбандийа стал распространяться среди крестьян и городских ремесленников, то есть среди тех страт населения, которые были заняты производством и торговлей, а также среди правящих классов.

1.2.1. Крестьяне

В источниках имеется достаточно свидетельств о связи между накшбандийскими шейхами и крестьянством. Учитывая деятельность и интересы Хваджи Баха'ад-Дина Накшбанда и некоторых его мюридов, занимавшихся в конце XIV века садоводством и земледелием (Ахрар, 1380, с. 186; Бухари, 1383, сс. 106, 323), а также наличие мелких помещиков среди последователей этого тариката в начале XV века (Кашифи, 1356, с. 87/1), можно сделать вывод о том, что этот тарикат с самого начала распространялся кругами торговцев базара и ремесленников Бухары, как в городах, так и в окрестных селах.

Во второй половине XV века Хваджа 'Убайдаллах Ахрар приобрел большую известность благодаря занятию земледелием. Примкнув к тимуридскому правителю Абу Са'иду и переехав в Самарканд, он стал крупным землевладельцем и получил в собственность обширные земельные угодья. Согласно различным сообщениям, ему принадлежало несколько тысяч земельных участков (Кашифи, 1356, сс. 404–405; Джами, 1378, с. 31). Согласно одному из свидетельств, на нескольких его участках в окрестностях города Карши работало три тысячи человек (Кашифи, 1356, сс. 404/2–405). Это число может быть преувеличением, но оно косвенно указывает на обширность владений Абу Са'ида. Эти обширные земельные угодья давали богатый урожай. По другим сведениям, урожай его пшеничных полей в окрестностях Самарканда оценивался примерно в 800 000 самаркандских маннов (Кашифи, 1356, с. 405). В итоге слова о том, что «в эпоху Тимуридов улемы были освобождены от уплаты налогов» (Фрагнер, 1379, с. 229) вызывают большие сомнения. Этот факт подтверждает еще одно сообщение, в котором говорится о том, что Хваджа Ахрар попросил султана Хасана Байкару на два года приостановить сбор налогов с его урожая на нужды дивана (Джами, 1378, с. 316).

Из вышеуказанного следует вывод о наличии связи двух великих шейхов Накшбандийа второй половины XV века с земледелием. Важной социальной базой этого тариката были крестьяне. Поэтому можно представить себе, что в этот период этот тарикат носил землевладельческий характер и между шейхами тариката и сельскими жителями сложились отношения, характерные для сюзеренов и вассалов, сопровождавшиеся культовой активностью, свойственной суфийским наставникам и мюридам.

Существовала ли связь между этой сельскохозяйственной деятельностью и торговлей? Сообщение о продаже пшеницы из закромов Хваджа Баха' ад-Дина на базаре Бухары (Бухари, 1383, с. 212–213) позволяет нам составить представление о торговле сельскохозяйственной продукцией в среде накшбандийских шейхов. В этом отношении большую известность получил Хваджа 'Убайдаллах Ахрар. И он, и его отец занимались не только торговлей, но и сельским хозяйством в окрестностях Ташкента (Кашифи, 1356, сс. 395, 404/2). Он не только был крупным землевладельцем, но также, как мы увидим далее, считался крупным торговцем.

1.2.2. Ремесленники

Распространение тариката Накшбандийа началось в Бухаре, в среде среднеазитических горожан, и большинство среди накшбандийских суфиев составляли торговцы базара и ремесленники (Кашифи, 1356, сс. 126/1, 241). Эта особенность была настолько очевидной и существовала настолько долго, что Хваджа Ахрар во второй половине XV века назвал Накшбандийа тарикатом людей базара и торговцев (Ахрар, 1380, с. 187). Источники подтверждают, что по меньшей мере трое представителей «цепочки» (духовной генеалогии) Хваджи Баха' ад-дина Накшбанда, а также сам он, большинство его преемников и значительная часть его последователей были ремесленниками, занятыми в производстве (Кашифи, 1356, сс. 35/1, 42, 62; Бухари, 1354, с. 21; Джами, 1372, с. 385). Их имена часто включают в себя прозвания, указывающие на ту или иную профессию: такие именования, как Халладж (чесальщик хлопка), Кулал (гончар) или Дашгар (кузнец), Накшбанд (мастер нанесения узоров на ткани), Заргар (златокузнец), Сузангар (вышивальщик), Кулахдуз (ткач, шивший головные уборы), Баззас (торговец тканями), Джаррах (хирург), Саррадж (шорник) или Чармгар (кожевник), Дурудгар (плотник), За'фаранчи (продавец шафрана), Сузанфуруш (торговец иглами), Саххаф (переплетчик), Сарраф (меняла), Баккал (бакалейщик), Кагазфуруш (торговец бумагой), Кагазгар (производитель бумаги), Мусаввир (художник) (Мавлана Шайх, 1380; Кашифи, 1356, сс. 127/1, 222, 401/2; Ахрар, 1380, сс. 232, 294) и многие другие «прозвища» свидетельствовали о широкой популярности этого тариката в среде городских ремесленных кругов и производителей.

Влияние этих профессий даже на мистические высказывания лидеров тариката дает о себе знать в таких текстах, как, например, следующий, принадлежащий Амиру Кулалу: «Пока влага привязанностей не будет удалена, сосуд бытия не будет достоин того, чтобы его положили в печь духовного воздействия (*масарруф*), а когда сосуды ставят в печь, некоторые из них выходят из нее целыми, а некоторые — разбитыми. Это определяется мерой проявления извечной Воли. При всем этом у вышедшего разбитым есть надежда на то, что его перемолотят и замесят с другой глиной, чтобы снова поместить в печь, и на этот раз может статься, что он выйдет целым» (Бухари, 1354, с. 21).

По всей вероятности, профессии, связанные с производством тканей, составляли значительную часть занятий накшбандийцев. Об этом свидетельствовали многочисленные отсылки к этим профессиям и связанная с ними терминология, например само слово «накшбанди», означающее нанесение узоров на ткани, а также использование в накшбандийской литературе терминов, связанных с изготовлением хлопчатобумажной ткани, шитьем нарядных головных уборов, которые носили эмиры и правители, вышивкой на ткани и одежде, изготовлением изящных и качественных

шерстяных тканей, производством шелка (Кашифи, 1356, сс. 73, 84, 221/1; Ахрар, 1380, с. 156; Бухари, 1383, сс. 112, 235). Вероятно, Хваджа Ахрар также владел ткацкими мастерскими, и он принимал активное участие в торговле тканями, потому что однажды он отдал напавшим на него узбекам около тысячи хлопчатобумажных халатов в качестве выкупа за освобождение пленников из Ташкента (Мавлана Шайх, 1380, с. 625). Он называл себя и своих многочисленных мюридов «ткачами Хваджи 'Абд ал-Халика» (Кашифи, 1356, с. 526/2–530; Ахрар, 1380, с. 222). Это выражение прекрасно показывает важность этой прослойки производителей для экономики торговых отношений в Мавераннахре и Хорасане, а также широкую социальную базу тариката Накшбандийа среди городских ремесленников. Учитывая значение тканей в торговле того периода, можно понять тесную связь этих ткачей из Накшбандийа с торговой жизнью региона.

Как нам представляется, финансовые и экономические отношения между лидерами и членами тариката Накшбандийа в определенной мере испытывали на себе влияние тариката. Две истории из жизнеописания Хваджи Баха' ад-Дина Накшбанда показывают, что он свободно пользовался доходом своих мюридов из числа ремесленников или торговцев. Например, в одной из этих двух историй упоминается: «Некий дервиш рассказал о том, что днем был на базаре и провел торговую сделку на какую-то сумму. Достопочтенный Хваджа пришел ко мне в лавку и спросил, сколько я выручил. Я сказал, что мне неизвестна величина этой суммы. Он положил передо мной кусок ткани и высыпал в него все, что я заработал» (Бухари, 1383, с. 162). Это сообщение и еще одно, аналогичное ему (Бухари, 1383, с. 235), необязательно свидетельствуют о существовании общего правила или некоей постоянной практики, но, по крайней мере, могут указывать на постепенное обогащение лидеров тариката благодаря относительно свободному отношению к финансам, и было бы логично предположить, что по мере расширения объемов торговли и роста числа мюридов и последователей финансовые возможности лидеров неизменно росли.

1.2.3. Правящий класс

Беатрис Форбс Манц пишет о религиозных убеждениях Тимура: «Религиозные представления Тимура, которые представляли собой сочетание тюрко-монгольских шаманистских элементов, коренились в суфийской традиции, и его изначальная религиозность, вне всяких сомнений, была связана с суфийским течением Накшбандийа, власть и влияние которого укрепились в Мавераннахре еще до эпохи Тимура» (Манц, 1377, с. 23). В автобиографии самого Тимура имеются упоминания о его накшбандийских учителях, его встрече со знаменитым накшбандийским шейхом Амиром Кулалом в Самарканде в 752 году л. х./1351, когда тот предсказал ему блестящее будущее и успешные завоевательные походы (Брион, 1372, с. 9–10).

Как пишет Манц, «Тимур оказывал почести суфийским шейхам Мавераннахра и Хорасана с целью укрепления своего положения среди сторонников Чагатаев и своих оседлых подданных. Этим он планировал добиться того, чтобы они подтвердили наличие у него высших духовных сил, и хотел воспользоваться ими для обеспечения признания его завоеваний на исламских территориях» (Манц, 1377, с. 23). Он не дает более подробных разъяснений по поводу веры накшбандийцев в эти «высшие духовные силы Тимура», однако в одной из рукописей, представлявшей путевые записки Гийас ад-Дина Наккаша о его поездке в Китай в эпоху правления Шахруха, Тимур упомина-

ется как «Наисвятейший» (*Хазрат-и Акдас*), и этот термин имел религиозный смысл (Мазахери, 1372, с. 141/1). Таким образом, государство Тимуридов с самого момента своего формирования сохраняло тесную связь с тарикатом Накшбандийа. Тот факт, что среди различных течений государства Тимуридов, таких как Хуруфийа, Нуктавийа и Нурбахшийа, не упоминается Накшбандийа, по сути, указывает на то, что тарикат Накшбандийа сформировал религиозные идеалы правящих кругов. Как в Хорасане, так и в Мавераннахре высшая ступень религиозной иерархии, а именно пост шейх уль-ислама, по всей видимости, принадлежала им. К ним относились в 1440-е годы главный шейх уль-ислам Хваджа Хасан 'Аттар в Хорасане (Хафиз Абру, 1380, с. 678/4) и шейх уль-ислам Мавераннахра Хваджа 'Исам ад-дин (Хафиз Абру, 1380, с. 811). Многочисленные письма и послания, которые Хваджа Мухаммад Парса, Джами и Ахрар направляли султанам, эмирам и визирям с целью разрешения проблем народа (Кашифи, 1356, сс. 108/1–109; Джами, 1378; Ахрар, 1380), показывают, что высокий статус накшбандийских шейхов, пользовавшихся покровительством и уважением со стороны тимуридских правителей, давал им возможность поддерживать с ними связь и влиять на некоторые решения властей.

Политическое влияние накшбандийских шейхов достигло своего апогея во второй половине XV века благодаря руководству Насир ад-Дина 'Убайдаллаха Ахрара. Он оказал моральную поддержку Абу Са'иду в ходе борьбы за престол, предвещал ему победу над его политическим конкурентом 'Абдаллахом ибн Ибрахимом ибн Шахрухом, но подчеркнул, что это предсказание сбудется только при условии «установления шариата и сострадания к подданным» (Ахрар, 1380, сс. 519/2–522). Последующие события показали, что за этими словами скрывалось стремление заручиться поддержкой государства для защиты своих интересов, в особенности обширных планов тариката Накшбандийа в сфере экономики. В 855 году л. х./1451 Абу Са'ид как победитель вошел в Самарканд и привез туда Хваджу 'Убайдаллаха. С этого момента политическое влияние Хваджи Ахрара возросло. Каждый день от него рассылались десятки писем падишаху, эмирам и чиновникам из дивана, которые рассматривались правящим аппаратом (Ахрар, 1380, сс. 623–624). Это влияние и власть продолжились также и в эпоху правления в Мавераннахре султана Ахмада ибн Абу Са'ида. Одновременно в Хорасане султан Хусейн-мирза Байкара назначил Амира 'Алишира Нава'и, влиятельного накшбандийского государственного деятеля, на должность визиря. Между тем, Тимуриды получали от лидеров Накшбандийа легитимацию своего правления, которую те обеспечивали им как «проявлениям могущества и правления Пречистого Господа» (Ахрар, 1380, с. 248).

В целом, контакты между Тимуридами и тарикатом Накшбандийа обеспечили подходящие условия для распространения этого тариката и реализации его экономического учения. Строительство рибатов и обителей на расстоянии 1–2 месяцев пути от Самарканда, назначение муджавиров и учреждение вакфов для управления этими учреждениями и их финансирования, обеспечение безопасности на торговых путях для путешественников, торговцев и крестьян (Хафиз Абру, 1380, с. 24/1) — всё это меры, которые Тимур принял ради достижения экономического процветания. Еще одним важным моментом в этом сообщении является то, что оно демонстрирует многократно возросшее значение торговых функций суфийских обителей (лангар). «Лангар» (*перс.* якорь) — слово, которое шейхи хваджаган после монгольского нашествия использовали вместо термина «ханака» (Мазахери, 1372, с. 103). Эта двой-

ная роль также показывает тесную связь накшбандийцев с торговлей, а также вклад Тимуридов в развитие этой связи. Именно благодаря этим обителям накшбандийские торговцы могли одновременно доставлять товары и проповедовать свой тарикат другим путешественникам на всем протяжении азиатских торговых маршрутов.

1.3. Формирование положительного отношения к богатству и власти

Совокупность указанных принципов и подходов, в конечном итоге, привела к формированию в тарикате Накшбандийа новой точки зрения на богатство и власть. Она была новой по той причине, что одной из самоочевидных особенностей последователей тариката, по крайней мере, в теоретическом плане, было безразличие к богатству и власти. Новая точка зрения имплицитно подразумевалась в основополагающих принципах тариката. Начиная со второй половины XV века этот подход стал открыто описываться и применяться на практике важными деятелями тариката Накшбандийа, в особенности Хваджей Ахраром и Джамии. Эти двое установили тесную и эффективную связь с политической властью.

Теоретические рамки этого подхода сформулировал на основе двух доводов Хваджа Ахрар: во-первых, на основе служения и помощи людям, а во-вторых, на основе сохранения независимости и поддержания существования тариката. Он считал богатство адекватным средством приобретения власти — одобряемым и желанным, потому что именно таким образом человек обретает возможность воспрещать правителям творить порицаемое и неэффективно служить народу, а такого рода служение является лучшим деянием (Ахрар, 1380, сс. 199, 216, 223). Одним из следствий этого подхода стали многочисленные письма Ахрара и Джамии правителям и чиновникам государства Тимуридов с целью разрешения проблем народа (Джами, 1378; Лари, 1343, сс. 20, 38; Ахрар, 1380). В другом своем обосновании принципов тариката Ахрар рассматривает богатство и положение (власть) в качестве необходимых атрибутов шейха и муршида, полагая, что наличие у шейха и муршида этих двух свойств позволит мюридам не зависеть от других людей и обеспечит их преданность и покорность муршиду, в конечном итоге сохранив организационную основу тариката (Ахрар, 1380, сс. 196, 210).

Таким образом, тарикат, история которого началась со скрытого зикра и продолжилась в уединении в обществе, труде и служении людям, предложил концепцию, фундаментальную теорией о сочетаемости мистической жизни с властью и богатством, создав подходящую почву для участия адептов в экономической жизни общества.

2. Торговая деятельность накшбандийцев

Учение, сочетавшееся с экономической активностью, распространение в среде основного производящего класса, а именно крестьянства и ремесленников, глубокие связи с правящей политической властью и полученное благодаря этим возможностям богатство — всё это в своей совокупности создало условия, позволявшие лидерам и последователям тариката Накшбандийа играть активную роль в сфере торговли. Интересы тариката также влияли на обоснование экономической деятельности. Хваджа 'Убайдаллах Ахрар считал свою обширную торговую деятельность необходимой для сохранения цельности тариката и обеспечения бытовых нужд его последователей, «чтобы они стали сообществом, которое могло бы заниматься досугом, и их мысли не отвлекались на необходимые нужды» (Ахрар, 1380, с. 650). Поэтому можно говорить об их деятельности в сфере торговли. В качестве важнейших направлений этой деятельности можно

рассматривать усиление класса торговцев, поощрение занятия торговлей, ремесленной и трудовой деятельностью среди последователей, создание состоящими в тарикате состоятельными людьми или государственными чиновниками торговых структур, непосредственное участие лидеров Накшбандийа в торговле и их непрерывные попытки добиться упразднения таможенных сборов.

2.1. Вовлечение в тарикат класса торговцев и усиление их позиций

Помимо экономических основ учения Накшбандийа, популярность этого тариката у торговцев базара снискали еще три фактора: рекомендация путешествовать, поощрение занятия торговлей и создание в обществе единства и безопасности. В тарикате Накшбандийа путешествия имели большое значение. Члены тариката проводили первые этапы процесса своего духовного самосовершенствования в поездках, пока не попадали к «обладателю сердца» (*сахибдил*) (Кашифи, 1356, с. 41/1), и очень много путешествовали (Нафиси, 1333, с. 84). Накшбандийские шейхи считали обслуживание путешественников важным делом и, как тогда было принято выражаться, занимались «служением приходящим и уходящим» (Кашифи, 1356, с. 63/1). Поэтому их опорные пункты, или лангары, были местами, через которые проходили и где останавливались путники и торговцы. Путешествие было для наکشбандийцев этапом на пути духовного самосовершенствования, а также способом заниматься торговлей и зарабатывать себе на жизнь. Смерть Хваджи Баха' ад-Дина Накшбанда в одном из караван-сараев Бухары (Кашифи, 1356, сс. 98–99) символически отображает эту двойственную функцию путешествий.

Еще одна привлекательная сторона Накшбандийа для торговцев состояла в поощрении и стимулировании торговли и коммерческой деятельности. К условиям удачной поездки относили упование на Бога (*таваккул*) и надежду получить и доход от торговли; попрошайничество же суфии считали неприемлемым (Ахрар, 1380, с. 248). Они призывали своих мюридов заниматься торговлей и даже предоставляли им возможности и капитал для этого (Кашифи, 1356, с. 141/1). Например, Хваджа Ахрар, будучи на смертном одре, вручил одному из своих душеприказчиков четыре тысяч монет чеканки Шахруха, чтобы он использовал их в качестве торгового капитала (Кашифи, 1356, с. 361/2).

Некоторые лидеры тариката прославились своими чудесными деяниями (*карамаат*), что отразилось на их репутации в купеческой среде. Купцы в своих дальних путешествиях связывали свои надежды с их чудесным заступничеством, опасаясь нападений разбойников, природных бедствий, потери имущества или вьючных животных. Причина вступления некоторых торговцев в тарикат Накшбандийа состояла в вере в эти самые чудесные деяния, которые они видели или в существование которых верили (например, см.: Бухари, 1383, с. 172; Кашифи, 1256, сс. 546/2–547).

Таким образом, между классом торговцев и тарикатом Накшбандийа сформировался ряд связей. В источниках имеются многочисленные свидетельства о существовании этой связи. К таким свидетельствам можно отнести принадлежность многих дервишей Накшбандийа к торговому сословию, ключевая роль базара как места действия во многих рассказах о шейхах Накшбандийа (Бухари, 1383, сс. 158, 162, 176, 250), их участие в торговле, в особенности в торговле тканями, социальные истоки клана Хваджи Ахрара, клана Рауджи, сподвижников Са'д ад-Дина Кашгари (Кашифи, 1356, сс. 221, 226, 351/1, 386/2–387).

Конструктивную роль тариката Накшбандийа в привлечении к тарикату класса торговцев базара можно символически проследить даже на примере имен двух торгов-

цев-накшбандийцев. Этим двоим звали Хваджа Мустафа Руми и Мавлана Наджм ад-Дин, и они были душеприказчиками Хваджи Ахрара (Кашифи, 1356, с. 538). Титул «хваджа», который упоминается перед именем одного из них, демонстрирует, что это был в первую очередь человек, имевший опыт в торговле, вероятно, даже выходец из купеческой семьи, и он был последователем тариката Накшбандийа. В то же самое время титул «мавлана» и использование прозвания (*лакаб*) в имени второго из них без упоминания основного имени дают понять, что он был членом прослойки духовенства в Накшбандийа и при этом занимался торговлей.

2.2. Создание торговых центров

Еще одним важным фактором распространения торговой деятельности в XV веке было строительство торговых центров вроде караван-сарая и базаров. Как было отмечено ранее, Тимур занимался строительством не только караван-сарая, но и лангаров на торговых путях, а также направлял на их содержание средства от вакфов. Эти лангары, как было нами продемонстрировано, были одновременно религиозными центрами Накшбандийа и неофициально действовали в качестве караван-сарая, в которых принимали путников и торговцев. Часть государственных чиновников Тимуридского государства в эпоху преемников Тимура, особенно на территории Хорасана и Мавераннахра, придавали большое значение строительству таких объектов инфраструктуры, как караван-сарай и мосты на важных торговых маршрутах (Незами, 1357, сс. 59, 79, 184, 239, 241; Хандемир, 1372, сс. 165, 167, 175, 177, 178).

Одним из весьма активных в этом плане государственных деятелей был 'Алишир Нава'и (844–906 л. х./1441–1501), который принадлежал к числу последователей тариката Накшбандийа (тер Хаар, 1383, с. 245). Хандемир сообщает о его щедрости в делах благотворительности, таких как строительство рибатов, прудов, мостов и общественных бань в Хорасане. К числу построенных или отремонтированных им зданий принадлежали рибат Сархиябан, Туккуз-Рибат, рибат Саркуча-и 'Алат, мост Пули-Тулаки, Рибати-'Ишк, Рибати-Сангбаст, Рибати-Дайрабад, представлявшие собой комплексы, которые включали соборную мечеть, медресе, ханаку, госпиталь (*дар аш-шифа*) и баню; эти комплексы прославились тем, что всегда были готовы принять путников (Табризинийа, 1378, сс. 45–48; Самарканди, 1382, сс. 505–506). Хваджа Ахрар тоже уделял этим проектам много внимания. К его благотворительным деяниям можно отнести ремонт караван-сарая Мир, покупку зерна на пятьдесят тысяч динаров в качестве вакфа мечети на базаре игольщиков, ремонт моста в Карши (Мавлана Шайх, 1380, сс. 596, 633; Самарканди, 1367, с. 160). Несомненно, эти меры сыграли заметную роль в сохранении торговой активности и обеспечении ее расцвета в этот период.

2.3. Торговая активность накшбандийцев

Мавераннахр как основной центр накшбандийских шейхов в XV веке был местом пересечения важных торговых маршрутов, в том числе в Хорезм, Хорасан и Китай. Как мы увидим, первый маршрут вскоре пережил упадок, и с начала XV века на этом направлении не прослеживается особой активности. Взамен этого накшбандийские шейхи стали склоняться по большей части к южным и восточным маршрутам, то есть к тем торговым путям, которые контролировались в основном накшбандийскими правителями, начиная с Тимуридов в Герате и Самарканде и заканчивая Дуглатами в Кашгаре и чагатайскими ханами, относившимися к накшбандийским шейхам с большим почтением. Распространение накшбандийского тариката на этих маршрутах породило своеобраз-

ное религиозное общество, делавшее этот путь безопасным, по крайней мере, для накшбандийских торговцев и людей, подчинявшихся лидерам этого тариката.

2.3.1. Северное направление (Хорезм)

Хорезм был центром обмена товарами, поступавшими из Дешти-Кыпчака, русских княжеств и Европы. В некоторых источниках упоминается о торговле между Бухарой и Хорезмом, имевшей место до возникновения государства Тимуридов (Кашифи, 1356, с. 132/1). Однако в конце XIV века, в ходе конфликта между Тимуром и ханом Тохтамышем, а также последовавшего за ним нападения Тимура на Хорезм, это направление пришло в упадок. Несмотря на это, торговые поездки накшбандийцев продолжались (Бухари, 1383, с. 95). В итоге основные центры торговли с Золотой Ордой, то есть Хорезм, Сарай и Астрахань, были разрушены Тимуром (Йазди, 1336, сс. 302–303, 552–553), и торговля с этими областями столкнулась с серьезным спадом. Позднейшие упоминания о торговле на этом маршруте не сохранились.

2.3.2. Южное направление (Хорасан – Персидский залив)

В XV веке, когда роль центра переходит к Герату, Хорасан переживает расцвет и значительный подъем. Среди причин этого подъема было расширение связей Хорасана с одной стороны с Мавераннахром, а с другой – с Персидским заливом и Индией. В этот период Хормоз как основной портовый город на побережье Персидского залива направил торговый поток из бассейна Индийского океана в Хорасан. Гонсалес де Клавихо в начале XV века сообщает о поставках таких индийских товаров, как индийский орех, гвоздика, кожура индийского ореха, корица, имбирь, а также об их высокой стоимости и поступлении жемчуга в Самарканд (Клавихо, 1344, с. 286) – эти товары напоминают о торговле с Персидским заливом.

С самого появления тариката хваджаган некоторые его последователи занимались торговлей и осуществляли свою деятельность на хорасанском направлении. В качестве примера можно упомянуть мелкого торговца по имени Мавлана Сайф ад-Дин Хваразми, одного из сподвижников Гидждувани. Как и предвидел Гидждувани, его капитал достиг размера в двенадцать тысяч динаров, и Сайф ад-Дин стал в последующем крупным и состоятельным торговцем (Кашифи, 1356, сс. 136/1–137).

Еще одним направлением торговых поездок накшбандийских купцов по хорасанскому маршруту была Индия. Концом XIV века датируются сообщения о торговой поездке отца Хваджи Баха' ад-Дина Накшбанда в Кабул и его возвращении с караваном, шедшим из Индии (Бухари, 1383, с. 255). В XV веке эта связь укрепляется. Любезные письма руководителя торговой гильдии Декана, Хваджи Махмуда Гавана (808–886 л. х./1405–1481), адресованные во второй половине XV века Хвадже Ахрару (Гаван, 1948, сс. 23–27), служат свидетельством значения и масштабов связей накшбандийцев с Индией в этот период.

Один из крупных деятелей Накшбандийа в XV веке, который активно занимался торговлей с Хорасаном, Мавлана Шамс ад-Дин Мухаммад Рауджи (род. 820 л. х./1417), был одним из сподвижников Хваджи Са'д ад-Дина Кашгари (ум. 860 л. х./1456). Именно его Амир 'Алишир Нава' и назвал в своей траурной элегии (марсийа) «примером для накшбандийцев» (*худва-и накибандийан*) (Хандемир, 1372, сс. 212–213). Он числился членом торгового клана и владел большими стадами верблюдов (Кашифи, 1356, сс. 226, 351/1). Крупные торговцы, как мы это увидим на примере Хваджи

Ахрара, обычно были вынуждены разводить и держать стада верблюдов, чтобы организовывать длительные поездки и перевозить товары. Еще один соратник Кашгари занимался торговлей тканями на базаре Герата, и Кашгари защищал его интересы перед сборщиками налогов (Кашифи, 1356, с. 221). Из еще одного сообщения Кашифи следует, что у Хваджи Ахрара были торговые представители (*саркардаран*) также и в Герате. Эти свидетельства достаточно четко говорят о заметном вкладе тариката Накшбандийа в торговлю с Хорасаном.

Хотя этот тарикат не получил особого распространения в южных районах Ирана, мы видим, что последователи Накшбандийа вели там свою торговую деятельность. Подтверждением этого является тот факт, что один ташкентский купец (ум. 840 л. х./1436) отправил Хвадже Ахрару подарок из Кермана (Кашифи, 1356, с. 636/2). Появление Кермана в указанном сообщении представляется важным и заслуживающим внимания по той причине, что этот город служил своеобразными «воротами» торговли Хорасана с Хормозом в XV веке, то есть местом, соединявшим Иран с морским торговым путем, по которому велась торговля специями и жемчугом.

2.3.3. Восточное направление (Китай)

Важная часть экономической истории Мавераннахра и Хорасана на всем ее протяжении была связана с торговлей с Китаем. Как в доисламский период, так и после прихода ислама заметную роль на этом направлении играли некоторые религиозные группы, в частности манихеи доисламского периода и накшбандийцы XV века. В конце XIV века и в первые десятилетия XV века постоянные конфликты Тимура с восточными Чагатаями естественным образом привели к упадку торговли на этом направлении. Тем не менее торговля не прекратилась. Гонсалес де Клавихо в начале XV века описывает базары Самарканда как наполненные товарами из других стран, в том числе качественным китайским шелком и мускусом (Клавихо, 1344, с. 286). В 789, 796, 798 гг. л. х. (1387, 1394, 1396) Тимур направлял в Китай по меньшей мере три посольства (Бертшнайдер, 1381, с. 473; Клавихо, 1344, с. 287). Если принять во внимание титул «Мавлана» в имени главы первой посольской миссии и ориентацию Тимура на накшбандийский тарикат (Зарринкуб, 1385, сс. 83, 160), то можно предположить, что эта делегация состояла из накшбандийцев.

Несмотря на все разрушения, устроенные Тимуром, он покровительствовал купцам и торговле (Хафиз Абру, 1380, с. 24/1; Клавихо, 1344, с. 285). Чтобы обустроить свою столицу, он пригласил в Самарканд деятелей искусства и мастеров, проживавших в завоеванных им областях и являвшихся профессионалами в различных ремеслах, в частности ткачей, изготовителей луков, доспехов, стеклодувов, мастеров фарфора, ружейных мастеров, а также ювелиров и каменщиков (Клавихо, 1344, с. 285). Эта политика в сочетании с контактами с тарикатом Накшбандийа, судя по всему, в долгосрочной перспективе создала благоприятные условия для накшбандийских ремесленников и торговцев.

В эпоху преемников Тимура торговля на этом направлении получила большее развитие. Например, можно упомянуть о направленной Шахрухом в 823 г. л. х./1420 г. делегации, которую сопровождало больше 500 торговцев (Мазахери, 1372, с. 62). Улугбек, сын Шахруха и наместник Самарканда, который был большим почитателем китайских произведений искусства и изделий, практически каждый год направлял свои особые посольства с караванами в Китай (Мазахери, 1372,

с. 48). Одно из таких посольств возглавлял накшбандийский «мавлана» по имени Али Кушчи (Хатаи, 1372, с. 28). Направление посольств было важным для торговли по той причине, что, согласно законам китайской империи Мин, чужеземцы, в том числе торговцы, могли приезжать в Китай только в качестве послов или их прислуги (Мазахери, 1372, с. 62). Именно благодаря этим посольствам лидеры накшбандийцев и их последователи отправляли в эти края свои торговые караваны. Поэтому прекращение политических контактов с Китаем неизбежно вело также и к упадку торговли.

Учитывая распространение накшбандийского тариката вплоть до границ Китая, можно отчетливо проследить участие последователей этого ордена в торговле на этом направлении. «Благодаря усилиям династии Дуглатов в IX веке (XV в. – прим. *перев.*) этот тарикат обладал неограниченной властью не только в Кашгаре, но и в окрестностях озера Иссык-Куль, к югу от Балхаша и на берегах реки Или, то есть на всем протяжении северной ветви Великого шелкового пути» (Мазахери, 1372, с. 157). Кроме того, некоторые восточно-чагатайские ханства во второй половине XV века также приняли накшбандийский тарикат (Дуглат, 1383, с. 242). Имеются различные признаки присутствия накшбандийцев на перевалочных пунктах этого маршрута. Например, Гийас ас-Дин Наккаш сообщает во время поездки торгово-политической делегации Тимуридов в Китай в 822–825 гг. л. х./1419–1422 гг. о наличии в окрестностях города Кара-Ходжа накшбандийской обители, или лангара, построенного одним из сеидов Термеза по имени Тадж ад-Дин. Тесть Тадж ад-Дина был правителем мусульманского города Хами (или Кумул), расположенного вблизи границ китайской провинции Ганьсу, и построил там мечеть (Хафиз Абру, 1380, с. 821/4). Как нам кажется, присутствие накшбандийского тариката на северной части маршрута Великого шелкового пути послужило главным фактором его торгового процветания.

Источники указывают на участие Хваджи Ахрара в торговле с Китаем. Кашифи упоминает о принадлежавшем Хвадже Ахрару торговом караване, который отправился в расположенный на границе с Китаем Турфан, его руководителем был накшбандийский торговец-священнослужитель по имени Мавлана Наджм ад-Дин (Кашифи, 1356, сс. 536/2–537). Хотя точное время этой торговой поездки неизвестно, учитывая, что она пришлась на период известности Хваджи Ахрара, ее уместно отнести к последней трети XV века. Описание, данное Кашифи этой торговой поездке, показывает, что среди душеприказчиков Хваджи Ахрара дух торговой инициативы сочетался с привязанностью и самоотверженной преданностью своему наставнику. Имеются и косвенные свидетельства в пользу этого. Кашифи указывает на наличие у Хваджи верблюжьего стада в окрестностях Карши (Кашифи, 1356, с. 539). Этот факт, с одной стороны, свидетельствует о том, что он занимался крупной торговлей, требовавшей большого количества верблюдов, а с другой — может указывать и на экспорт верблюдов, потому что верблюды, как и кони, пользовались большим спросом в Китае, так что иногда иранские послы преподносили их в качестве подарка китайскому императору (Бертшнайдер, 1356, с. 531/2). Торговцы и послы должны были потом сообщать об этих церемониях в Мавераннахре.

Еще одним накшбандийским торговцем был 'Али Акбар Хатаи, путевым запискам которого мы обязаны большей частью сведений о Великом шелковом пути

в конце XV века. Нисба «Хатаи» в его имени указывает на многочисленные поездки в Китай. В своих путевых записках он ничего не рассказывает о своем тарикате. По мнению Мазахери, это молчание объясняется тем, что «в тех районах, по которым он путешествовал, не было никакого другого тариката, кроме Накшбандийа» (Бертшнайдер, 1356, с. 157). Он подробно рассказывает об эпохе правления двух китайских императоров из династии Мин, а именно о Чэнхуа и Чэнь Хунчжи, которые правили с 1465 по 1505 г. Он показывает, что знает китайский язык и другие языки того региона, такие как монгольский и уйгурский. Кроме того, он приводит в своих путевых записках обширные сведения о дальневосточном регионе. Все эти примеры демонстрируют, что на протяжении длительного периода он многократно путешествовал между Китаем и Мавераннахром. Он приводит конкретную информацию о торговле некоторыми товарами вроде мускуса, ревеня, лебеды, альпийской лекарственной и китайской посуды (Мазахери, 1372, сс. 161/1–162).

Имеющиеся предания показывают, что торговля накшбандийцев на китайском маршруте в основном велась через северную ветвь Великого шелкового пути. Под этой ветвью имеется в виду путь, пролежавший через Тянь-Шань и Турфан. Путевые записки Гийас ад-Дина Наккаша отчетливо демонстрируют, что большая делегация, направленная в Китай в 823 г. л. х./1420 г., отправилась туда именно по этому северному маршруту и прошла через такие города, как Ташкент, Сайрам, Асфара (Аспара), Балхото, Караходжа (Гаочан) и Суфи-Ата, достигнув Турфана. За Турфаном располагался город Хами (Кумул), управлявшийся китайскими наместниками (Мазахери, 1372, с. 102). В конце XV века по этому же маршруту прошел Хатаи.

Хатаи называл этот северный маршрут «монгольской дорогой» и приводил два довода в пользу предпочтения этого маршрута другим: во-первых, он находился под контролем восточных Чагатаев, а во-вторых, Тимур построил на этом пути множество перевалочных пунктов и укреплений (Хатаи, 1372, с. 39). Была и третья причина, обусловленная присутствием и влиянием на этом направлении тариката Накшбандийа. Султан Йунус, восточно-чагатайский хан, к концу жизни стал мюридом Хваджи Ахрара (Дуглат, 1383, с. 242). В своих письмах различным мусульманским правителям Хваджа Ахрар объявил запретной (*харам*) торговлю с подданными Йунус-хана (Дуглат, 1383, с. 244). Это действие было своего рода актом покровительства Йунус-хану и легитимации его власти. Хорошие отношения с восточными Чагатаями, контролировавшими среднюю часть китайского маршрута, призваны были способствовать процветанию торговой активности Хваджи Ахрара на этом направлении.

Торговая активность накшбандийцев на китайском направлении имела два важных последствия. Во-первых, она спровоцировала рост во второй половине XV века богатства накшбандийских шейхов, в особенности клана Ахрара (Мавлана Шайх, 1380, сс. 7, 13, 15, 28, 37, 38, 44, 47, 51, 66, 74, 76, 77, 78, 81, 110), и, во-вторых, послужила причиной появления адептов тариката Накшбандийа у границ Китая. Не только мусульмане Средней Азии, но и практически все местное мусульманское население Китая, основные центры которого располагались на западе страны (в Синцзяне или Кашгаристане), принадлежало к этому тарикату. История Великого шелкового пути показывает, что в этом не было ничего странного, потому что религии индоевропейского ареала Азии, такие как буддизм, зороастризм и манихейство, в доисламский период достигли границ Китая, распространившись на тех же землях.

2.4. Борьба с таможенными сборами

Одним из вызовов со стороны государства Тимуридов, связанных, с одной стороны, с шариатом, а с другой стороны, с экономикой, были таможенные сборы (*тамга*). «Тамга» представляла собой налог на «торговлю и ремесла» (Рёмер, 1385, с. 185). В основе этого налога отчасти лежало некодифицированное монгольское обычное право (Яса), которое монголы распространили в Иране и которое было закреплено Тимуром (Мазахери, 1372, с. 166). «Тамга» была нешариатским налогом, потому что она заменила закят, и ее размер в несколько раз превышал размеры закята (Фрагнер, 1379, с. 249). Однако преемники Тимура, в особенности Шахрух, который был убежденным мусульманином, считали, что они не должны собирать этот нешариатский налог (Фрагнер, 1379, с. 225). Исламская ориентация Шахруха и его отход от монгольских законов укрепили в местном населении надежду на упразднение этого налога. В одном из своих писем китайскому императору Юнлэ он заявил о своей приверженности исламу ориентации и утверждал, что отказался от монгольских законов (Хафиз Аbru, 1380, с. 467/3). Несмотря на последнее обстоятельство, Шахрух не мог игнорировать колоссальные доходы, поступающие от этого налога в казну, и растерянно метался между исламской религией и монгольской традицией (Хейрандиш, 1378, сс. 15–19).

Имеющиеся источники показывают, что еще на самой заре расцвета государства Тимуридов накшбандийские шейхи выступали против этого налога. Это противодействие не только было обусловлено шариатскими доводами, но и имело под собой экономические основания, потому что, как было продемонстрировано выше, значительная часть последователей тариката принадлежала к прослойке ремесленников и торговцев. Хваджа Баха' ад-Дин Накшбанд предпринял две меры, пытаясь добиться признания недействительности этого налога: во-первых, он ввел шариатский запрет на покупку товаров в тех лавках и мастерских, капитал которых включал в себя поступления от тамги, а во-вторых, он воздерживался от принятия подарков и пожертвований чиновников (Бухари, 1383, сс. 163–164). Эти двойные санкции одновременно преследовали три цели: просвещение людей, оказание на заинтересованных лиц экономического, морального и репутационного давления. Однако военно-политические конфликты и волнения в Мавераннахре лишили Хваджу возможности прибегнуть к правителям в противодействии тамге.

В XV веке эта борьба постепенно приобретает все более серьезный характер: мы располагаем свидетельствами о столкновениях некоторых видных деятелей тариката с чиновниками, отвечавшими за сбор тамги. Например, Кашифи описывает сцену, произошедшую на базаре торговцев одеждой в Герате, когда Мавлана Са'д ад-дин Кашгари вступился за одного лавочника-накшбандийца, воспользовавшись своей «духовной силой» и пригвоздив сборщика тамги к земле, а когда тот пришел в себя, то покаялся в своем поступке (Кашифи, 1356, с. 221/1).

Во второй половине XV века Хваджа Ахрар стал вести эту борьбу на более высоком уровне. Аргументировав свою позицию недопустимостью тамги с точки зрения правоведа, он стал оказывать давление на Тимуридов, чтобы последние ликвидировали этот налог (Нишабури, 1380, с. 225). Такую власть ему давало духовное влияние, а также финансовое и политическое могущество. Его влияние достигало таких масштабов, что тимуридский султан Абу Са'ид советовался с ним в важных вопросах и делах и не отступался от его наставлений и советов (Самарканди, 1383, с. 963/2). Как говорит Рёмер,

он обладал абсолютной властью в Самарканде (Рёмер, 1379, сс. 125, 143). Обширная экономическая деятельность, богатство, высокий религиозный и политический статус обеспечивали ему необходимую мотивацию и возможности для борьбы за отмену тамги.

Некоторые источники эпохи Тимуридов сообщают о том, что Абу Са'ид освободил в 865 г. л. х./1461 г. Бухару от уплаты тамги и обязался, что отменит ее во всех своих владениях (Асафзари, 1339, сс. 249/2–250; Самарканди, 1383, с. 353/2). Из сообщения не совсем понятно, носила ли эта отмена временный или постоянный характер, но отдельные случаи освобождения от этого налога в последующие годы показывают, что они предполагали определенное время освобождения, либо же их постоянный характер в последующем игнорировался. Примерно спустя семь лет на этом поприще были достигнуты более примечательные результаты. В одном трактате о жизни Хваджи Ахрара имеется указание на то, что в 872 г. л. х./1467 г. Абу Са'ид освободил всю область Мавераннахр от тамги по просьбе Хваджи Ахрара (Нишабури, 1380, сс. 17–18). В другом источнике сообщается о том, что по его просьбе султан Ахмад-мирза, правитель Мавераннахра (правил в 873–899 гг. л. х./1469–1494 гг.), освободил ремесленников и торговцев Самарканда от уплаты тамги (Асафзари, 1339, с. 250/2; Кашифи, 1356, с. 540/2). Последнее событие можно считать следствием распоряжения Абу Са'ида о налогах, потому что Ахмад-мирза правил в Самарканде как правитель, назначенный Абу Са'идом.

Этим усилиям накшбандийцев также оказывалось сопротивление. Государственные служащие и чиновники, отвечавшие за сбор тамги, так называемые тамгачи, стремились сохранить этот налог и выступали против его упразднения. Например, некоторое время спустя после ликвидации тамги в Самарканде решением султана Ахмад-мирзы двенадцать «тамгачи», получавших ранее колоссальные доходы от взимания этого сбора, оставшихся без дела и потерявших свои доходы, стали подговаривать султана и даже дали взятки некоторым эмирам, чтобы добиться отмены освобождения от тамги. Однако после угроз со стороны Хваджи Ахрара султан Ахмад испугался и не стал оказывать им поддержку. В тот же день ночью одиннадцать из этих чиновников-заговорщиков погибли (Кашифи, 1356, с. 540). Хотя об этом говорится как о естественной смерти, а не убийстве, эти события могут свидетельствовать о скрытых и явных стычках между чиновниками по этому вопросу.

Освобождение от налога обычно объявлялось на один год и распространялось лишь на определенный регион. Накшбандийцам не удалось полностью ликвидировать тамгу, но они нанесли серьезный удар по этому сбору. Их протестная политика, единственным результатом которой стала периодическая приостановка сбора тамги в отдельных городах или провинциях, привела к постепенному падению доходов от этого налога. Этот процесс имел важные последствия, состоявшие в признании его нелегитимности и ослаблении его позиций, так что благодаря этим случаям отмены налога накшбандийским торговцам удалось получить колоссальную материальную выгоду.

3. Влияние торговой активности на тарикат Накшбандийя

Выдающаяся особенность тариката Накшбандийя, а именно гармонизация духовного опыта и материального заработка, которая была одним из необходимых условий динамизма экономической жизни XV века, ближе к концу этого столетия претерпела кризис и трансформацию. Материальная сторона общинной жизни одержала верх над духовной, и руководство Накшбандийя все больше полагалось на власть и богатство. Эта трансформация, с одной стороны, спровоцировала споры и дискуссии по поводу

связи между тарикатом и экономикой, а с другой — тесно связала влиятельных накшбандийских лидеров с властью и богатством, создав условия для их уязвимости и заката их величия в процессе возникновения новых сил.

3.1. Накопление богатства

Торговая деятельность на важных направлениях и относительный успех в деле упразднения тамги позволили лидерам Накшбандийа накопить богатство, в особенности ближе к концу XV века. Это прежде всего касается Хваджи ‘Убайдаллаха Ахрара, в отношении которого эти выводы кажутся более очевидными и обоснованными. История тариката Накшбандийа в этот период тесно связана с его именем. В первые три десятилетия своей жизни он не располагал особым богатством, а его отец был всего лишь крестьянином и мелким торговцем (Кашифи, 1356, сс. 386/2–387). Примкнув к элите Тимуридского государства и обретя политическое влияние, он проявил себя в качестве одновременно землевладельца и крупного коммерсанта (Кашифи, 1356, сс. 404–405, 519–521; Самарканди, 1383, с. 891/2; Хандемир, 1333, с. 109/4). Кашифи, который был одним из его почитателей, пишет о его имуществе: «Ни для кого не секрет, что у достопочтенного ишана было сверх всякой меры много имущества и собственности, поместий и имений, стад и табунов, скота, товаров и владений, так что их было не счесть» (Кашифи, 1356, с. 304/2). ‘Абд ар-Рахман Джами был еще одной выдающейся и влиятельной фигурой накшбандийского тариката в Хорасане. В одном из своих писем он называет Хваджу Ахрара «посредником между религиозным и мирским благом и связующим звеном между счастьем формы и смысла», подчеркивая таким образом его высокий статус одновременно в религиозной, экономической и политической сферах (Джами, 1378, с. 212). Хотя, по мнению современного историка, это положение, с одной стороны, было неизбежным следствием расцвета торговли в государстве Тимуридов, а с другой стороны — логично вытекало из учения тариката, все же такая прочная связь с политической властью и такое экономическое положение не имели прецедентов в жизни ни одного из предыдущих шейхов тариката.

3.2 Споры и дискуссии по поводу экономической активности лидеров тариката

Пик политического влияния, власти и богатства Хваджи Ахрара спровоцировал различную реакцию со стороны некоторых чиновников, членов других тарикатов и даже некоторых высокопоставленных членов самого тариката Накшбандийа. Чиновники в основном были возмущены вмешательством Хваджи Ахрара в их дела. Они намекали на то, что он был подлинным правителем. Одним из таких недовольных был Мирак Хасан, глава канцелярии султана Ахмад-мирзы, которому его протест стоил жизни (Кашифи, 1356, с. 538/2).

Члены тариката халватийа, которые стояли на противоположных накшбандийцам позициях, направили свою критику на богатство и состоятельность Хваджи Ахрара. Они называли его «богатеем» (*дунйадар*), «все усердие которого было направлено на то, чтобы копить мирские блага» (Нишабури, 1380, с. 38). Ийяс Халвати, у которого была ханака в районе Нур Самарканда, в своем письме одному из эмиров писал: «Что за слабость постигла религию и веру, если в ваши сердца настолько [глубоко] проник шейх, чья торговля, землевладение и земледелие не ведомы истинным шариатом?» (Кашифи, 1356, сс. 542/2–543). Этот пассаж также весьма ценен для понимания экономической

роли Хваджи Ахрара и сути некоторых критических высказываний о нем, потому что он не только доказывает факт торговой деятельности и землевладения, влияния Хваджи на государство, но и демонстрирует разницу между взглядами двух тарикатов — хаватийа и Накшбандийа — на экономическую деятельность. Ответ Хваджи в этом случае также звучал с позиции силы: «О сын бедного шейха; с тех пор, как я появился, под моими ногами прошли, словно муравьи, столько шейхов и учителей (*мавлана*), что счет им знает лишь Господь» (Кашифи, 1356, сс. 542–543). Отвечая на подобные критические замечания, Джами ссылается на слова ‘Ала ад-Даулы ас-Симнани, знаменитого мистика XIV века: «Пречистый Господь сотворил мир со всеми этими благами для того, чтобы ими пользовались Его избранные рабы. Почему они должны нуждаться?» (Дуглат, 1383, с. 578).

Третья категория критиков состояла из некоторых членов тариката Накшбандийа. Их критика заключалась в том, что Хваджа, увлеченный общением с властью имущими, потерял возможность осенять благодатью мюридов, преданных последователей духовного пути и взыскивающих знания. Ответ Хваджи на эту критику строился на двух тезисах. Во-первых, он отмечал, что его связь с государством была продиктована не желанием его сердца, а целью смягчить злой нрав тиранов и облегчить бремя угнетенных и мусульман, спасти их (Кашифи, 1356, сс. 596/2–597). Во-вторых, бедность и обездоленность в конечном итоге ведут к разобщению последователей и развалу тариката. Поэтому занятие такими делами, как земледелие и торговля, было необходимо для обеспечения нужд мюридов и являлось одной из его, шейха, обязанностей (Кашифи, 1356, с. 650). Таким образом, рассуждения, которые возникли в конце XIV века в качестве реакции на избегание мирской жизни и бедность, принесли свои плоды, но теперь перешли в свою противоположность. Внешне они проявляли себя в виде дистанцирования от бедности и отказа от мирской жизни, но после установления равновесия между ними, к концу XV века, тарикату стали угрожать уже богатство и власть.

3.3 Уязвимость руководства Накшбандийа в процессе утверждения власти кочевых узбеков

Хваджа Ахрар умер в 895 г. л. х./1489 г. и не успел увидеть горький финал своего клана. Одиннадцать лет спустя, когда Самаркандом овладел узбекский хан Мухаммад Шайбани (Шайбак-хан), убивший тимуридского правителя Султана Али-мирзу, сына и преемника Ахмад-мирзы, он конфисковал все имущество и владения Хваджи Ахрара, которым распоряжался его сын Хваджа Мухаммад Йахйа. Через несколько дней его и двоих из его сыновей убили (Кашифи, 1356, сс. 588–590; Казвини, 1386, с. 233). Что касается судьбы других его сыновей, то один из них бежал в Кашгар и умер там, а другой уехал в Хорасан, а оттуда вместе с Захир ад-дином Бабуром переселился в Кабул, а затем в Индию (Ахрар, 1380, сс. 70–73). Таким образом, власть клана Ахраров в Мавераннахре и Хорасане была полностью искоренена.

Этот трагический финал на первый взгляд кажется чем-то нетипичным, потому что обычно монгольские и тюркские завоеватели мирно вели себя по отношению к последователям тариката и улемам. Однако в этом случае имелось одно важное отличие: лидеры Накшбандийа в конце XV века были в узбекских глазах, по сути, частью правящей элиты государства. Как пишет Казвини, Шайбак-хан убил Хваджу Йахйу, сына Хваджи ‘Убайдаллаха, «с разрешения которого назначались султаны» (Казвини, 1386, с. 233). Этот взгляд был логичным следствием присутствия Хваджи Ахрара в правящем аппара-

те Тимуридов, а также вытекавших отсюда власти и влияния. Имеются признаки того, что и Хваджа Ахрар, и другие члены Накшбандийа из числа его последователей в конце концов осознали негативные последствия этого положения. В одном сообщении Кашифи приводятся слова Хваджи Ахрара: «Когда мы дозволили [себе] этот мир, он сразу же повернулся к нам лицом и полностью увлек нас» (Кашифи, 1356, с. 652). Кашифи, указывая на отношение Хваджи к экономической деятельности, пишет: «В конце концов, через тот проход в мастерскую сыновей проник убыток» (Кашифи, 1356, с. 650). Формирование связи между руководством тариката с политической властью и использование им вытекавших из нее экономических возможностей благодаря усилиям Хваджи Ахрара привело к тому, что судьбы тариката и государства оказались тесно переплетены между собой. Пока Тимуриды располагали властью, связь с ними обеспечивала Хвадже Ахрару возрастающее с каждым днем экономическое и политическое влияние, однако с того момента, как удача отвернулась от этого государства, клан Ахрара, экономическая и политическая мощь которого оказалась заметнее их духовного влияния, оказалась на грани физического исчезновения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В период формирования основных принципов и учения Накшбандийа имелась некая ориентация на баланс между тарикатом и бытовой жизнью. Эти принципы состояли в необходимости жизни в обществе, служения народу, предпочтения зикра сердца устному зикру, повышения ценности труда как необходимого условия духовного роста. Благодаря обращению Баха' ад-Дина Накшбанда Бухари к этому учению и пропагандированию им этих принципов в конце XIV века зародился тарикат Накшбандийа, фундаментальной особенностью которого стала указанная ориентация на умеренность.

Принятие этого компромиссного подхода, основанного на одобрительном отношении к заработку на жизнь и необходимым для этого вещам, позволило тарикату Накшбандийа обрести широкое влияние среди экономически активных групп, а именно крестьянства, ремесленников и торговцев, а также добиться безусловной поддержки со стороны государства Тимуридов. Такая прочная связь между тарикатом, производящими слоями, торговым сословием и политической властью в сочетании с экономическим и географическим положением Мавераннахра и древними традициями торговой деятельности в этом регионе стали в XV веке своего рода двигателем торговой жизни, в особенности на востоке и северо-востоке Ирана. Прослойка торговцев базара усилилась, были созданы различные объекты инфраструктуры и торговые центры, а торговые маршруты, в особенности путь из Мавераннахра в Китай, стали направлением торговых поездок накшбандийских купцов.

Расширение экономической активности привело к росту богатства лидеров тариката, некоторые из которых превратились в обладателей огромных капиталов, пускавших свои богатства на торговлю и землевладение, в особенности во второй половине XV века. Таким образом, в XV веке начался впоследствии ускорившийся процесс расширения экономического и, следовательно, политического влияния шейхов Накшбандийа. Они извлекали пользу из этого влияния с целью обеспечения своих экономических интересов, ярким примером чего может служить борьба за ликвидацию налога «тамга».

Результат этого социально-экономического процесса, а именно достижения компромисса между тарикатом, купцами и политиками, можно проследить по двум самостоя-

тельным, на первый взгляд, фактам: рост торговой и политической мощи накшбандийцев в XV веке имел негативные последствия. Во-первых, он привел к нарушению баланса между бытовой жизнью и духовностью в ущерб последней, так что духовное и мистическое учение тариката постепенно было вытеснено этической доктриной. Это изменение доктринального баланса вызвало критику как внутри накшбандийского тариката, так и за его пределами, породив споры и дискуссии по поводу границ и пределов стремления к мирскому и присутствия во власти. Во-вторых, этот процесс стал одной из причин падения власти клана Ахраров, которые на протяжении почти полувека осуществляли руководство тарикатом Накшбандийа. Трагичный конец клана Ахраров показал, что тарикат, стремящийся к экономической деятельности и богатству, в конечном итоге оказался втянут в сотрудничество с политической властью. В кризисных ситуациях, в условиях политической конкуренции или смены власти руководство тариката подвергло себя риску.

Однако если учесть второй интересующий нас факт, деятельность тариката Накшбандийа следует считать блестящей и заслуживающей всяческой похвалы. Этот тарикат привлекал к экономической деятельности, в особенности к ремеслу и торговле, те силы, которые в обычном состоянии представляли собой общины дервишей, полностью отказывавшихся от мирской жизни. Основным результатом данного исследования стала демонстрация того факта, что в условиях отсутствия какой-то одной доминирующей силы, как это было в случае с монголами в Средней Азии, Мавераннахре и Хорасане, именно тарикат Накшбандийа, настаивавший на важности заработка, торговли и производства, сыграл роль связующего звена между отдельными политическими субъектами, продлил период экономического расцвета Великого шелкового пути и существование перевалочных пунктов на этом маршруте. Следовательно, торговля в эпоху Тимуридов, осуществлявшаяся на пространстве от Пекина до Самарканда и Герата и оттуда до Кермана и Хормоза, в значительной степени обязана своим расцветом тарикату Накшбандийа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

‘Атгар Нишабури, Фарид ад-дин Мухаммад ибн Аби Бакр (1336/1957). *Тазкират ал-авлийа*. Тегеран: Маркази ва Насер-е Хосров.

Амид Зенджани, Аббасали (1366/1987). *Пежухеши дар пайдаиеш ва тахавволат-е тасаввоф ва эрфан*. Тегеран: Амир Кабир.

Асафзари, Му‘ин ад-дин Мухаммад (1339/1960). *Равадат ал-джаннат фи аусаф мадинати Хират*, под ред. Сейеда Мохаммада Эмама. Т. 2. Тегеран: Данешгах-е Техран.

Ахрар, Хваджа ‘Убайдаллах (1380/2001). *Малфузат*, под ред. Мир-Абдолавваля Нишабури/*Ахвал ва соханан-е Хадже Обайдаллах Ахрар*, под ред. Арефа Ноушахи. Тегеран: Марказ-е нашр-е данешгахи.

Ахрар, Хваджа ‘Убайдаллах (1380/2001). *Рука‘ат. Ахвал ва соханан-е Хадже Обайдаллах Ахрар*, под ред. Арефа Ноушахи. Тегеран: Марказ-е нашр-е данешгахи.

Бертшнайдер, Эмили (1381/2002). *Иран ва Мавераннахр дар невестеха-йе чини ва моголи-йе садеха-йе мияне*, пер. Хашема Раджабзаде. Тегеран: Боньяд-е моугуфат-е Махмуд Афшар.

Бухари, Салах ибн Мубарак (1383/2004). *Анис ат-талибин ва ‘уддат ас-саликин*, под ред. Халиля Эбрахима Сарьюглу, под общ. ред. Тоуфига Собхани. Тегеран: Анджоман-е асар ва мафахер-е фарханги.

Гаван, ‘Имад ад-дин Махмуд (1948). *Рийад ал-иншиа’*, под ред. Шейха Чанда ибн Хусайна. Хайдарабат: Маджлис-е махтутат-и фарсийа.

Данешнаме-йе адаб-е фарси (1383/2004). Тегеран: Мохеббӣ.

Джами, Нур ад-дин ‘Абд ар-Рахман (1378/1999). *Намеха ва моншаат-е Джами*, под ред. Асама Урунбаева и Асрара Рахманова. Тегеран: Мирас-е мактуб.

Джами, Нур ад-дин ‘Абд ар-Рахман (1373/1994). *Нафахат ал-унс мин хадарат ал-кудс*, под ред. Махмуда Абеди. 2-е изд. Тегеран: Этгелаат.

Джами, Нур ад-дин ‘Абд ар-Рахман (1378/1999). *Хафт ауранг*, под ред. Ала-хана Афсахазада и Хосейна Ахмада Тарбията. Т. 2. Тегеран: Мирас-е мактуб.

Джахангуша (1372/1993), сост. Марсель Брион, пер. Забихоллы Мансури. 14-е изд. Тегеран: Мостуофи.

Дуглат, Мирза Мухаммад Хайдар (1383/2004). *Та‘рих-и Рашиди*, под ред. Аббасголи Гаффарифарда. Тегеран: Мирас-е мактуб.

Зарринкуб, Абдольхосейн (1385/2006). *Арзеш-е мирас-е суфийе*. 12-е изд. Тегеран: Амир Кабир.

Зарринкуб, Абдольхосейн (1385/2006). *Донбале-йе джостеджу дар тасаввоф-е Иран*. 6-е изд. Тегеран: Амир Кабир.

Йазди, Шараф ад-дин ‘Али (1336/1957). *Зафар-наме*, под ред. Мохаммада Аббаси. Т. 1. Тегеран: Амир Кабир.

Кади Самарканди, Мавлана Мухаммад (1380/2001). *Силсилат ал-‘арифин ва тазкират ас-сиддикин*. Исламабад: Ганджбахш.

Казвини, Йахйа ибн ‘Абд ал-Латиф (1386/2007). *Лубб ат-таварих*, под ред. Мирхашема Мохаддеса. Тегеран: Анджоман-е асар ва мафахер-е фарханги.

Кашифи, Фахр ад-дин ‘Али ибн Хусайн Ва‘из (1356/1977). *Раишахат ‘айн ал-хайат*, под ред. Али-Асгара Моинияна. Т. 1–2. Тегеран: Боньяд-е нукукари-йе Нурияни.

Клавихо, Гонсалес (1344/1965). *Сафарнаме-йе Клавихо*, пер. Масуда Раджабнийя. Тегеран: Бонгах-е тарджоме ва нашр-е кетаб.

Лари, Ради ад-дин ‘Абд ал-Гафур (1343/1964). *Такмила*, под ред. Башира Харави. Кабул: Анджоман-е Джами.

Мавлана Шайх (1380/2001). *Хаварик-и 'адат/Ахвал ва соханан-е Хадже Обайдаллах Ахрар*, под ред. Арефа Ноушахи. Тегеран: Марказ-е нашр-е данешгахи.

Мазахери, Али (1372/1993). *Джаде-йе абришам*, пер. Малека Насера Нубана. Т. 1. Тегеран: Моассесе-йе моталеат ва тахгигат-е фарханги.

Манц, Беатрис Форбс (1377/1998). *Бар-амадан ва фарманравайи-йе Теймур*, пер. Мансура Гольсефата. Тегеран: Раса.

Модарреси Чахардахи, Моргаза (1360/1981). *Сельселеха-йе суфийе-йе Иран*. Тегеран: Багунак.

Наккаш, Гийас ад-дин (1383/2004). *Сафарнаме-йе Гийас ад-дин бе Чин/Матла' ас-са'дайн*. Т. 2. Тегеран: Пежухешгах.

Нафиси, Саид. *Рисала-и сахибйи. Фарханг-е Иранзамин*, 2. С. 70–101.

Низами, Низам ад-дин 'Абд ал-Васи' (1357/1978). *Маниш' ал-инши'*, под ред. Рокноддина Хомаюнфарраха. Т. 1. Тегеран: Данешгах-е мелли-йе Иран.

Нишабури, Мир 'Абд ал-'Адил (1380/2001). *Ахвал ва соханан-е Хадже Обайдаллах Ахрар*, под ред. Арефа Ноушахи. Тегеран: Марказ-е нашр-е данешгахи.

Парса-йи Бухари, Хваджа Мухаммад ибн Мухаммад (1354/1975). *Рисала-йи кудсийа: калемат-е Бахаоддин Накибанд*, под ред. Ахмада Тахери Эраги. Тегеран: Тахури.

Рёмер, Х. Р., Кенди, А.С. (1379/2000) *Тарих-е Иран-е доуре-йе Теймуриян*, пер. Ягуба Ажанда. Тегеран: Джами.

Рёмер, Ханс Роберт (1385/2006). *Иран дар рах-е аср-е джадид*, пер. Азара Аханчи. 2-е изд. Тегеран: Данешгах-е Техран.

Самарканди, Абу Тахир Хваджа (1367/1988). *Самарийа*, под ред. Ираджа Афшара. Тегеран: Моассесе-йе фарханги-йе Джахангири.

Самарканди, Даулатшах (1382/2003). *Тазкират аш-шу'ара*, под ред. Эдварда Брауна. Тегеран: Асатир.

Самарканди, Камал ад-дин 'Абд ар-Раззак (1383/2004). *Матла'-и са'дайн ва маджма'-и бахрайн*, под ред. Абдольхосейна Наваи. Т. 2. Тегеран: Пежухешгах.

Собхани, Тоуфиг; Ансари, Гасем (1355/1977). *Хаджи Бекташ ва тарикат-е бекташийе. Наширийе-йе данешкаде-йе адабият ва олум-е энсани-йе данешгах-е Табриз*, 12.

Табризнйа, Моджтаба (1378/2000). *Сима-йе Амир Алишир-е Наваи дар кетаб-е Маркарем оль-ахлад. Кетаб-е мах-е тарих ва джография*, 4.

тер Хаар, Йохан, Г. (1383/2004) *Нагшбандийе ва шиэ*, пер. Масумэ Амин-Дехган/*Дар बारे-йе Шах Нематолла Вали*. Тегеран: Хагигат.

Фрагнер, Берт (1379/2000). *Оуза-э эджтемай ва эгтесади-йе дахели. Тарих-е Иран-е доуре-йе Теймуриян*, пер. Ягуба Ажанда. Тегеран: Джами.

Фрейер, Дональд (1379/2000). *Теджарат дар доуре-йе Теймуриян. Тарих-е Иран-е доуре-йе Теймуриян*, пер. Ягуба Ажанда. Тегеран: Джами.

Хандемир, Гийас ад-дин ибн Хумам ад-дин (1372/1993). *Ма'сар ал-мулук*, под ред. Мирхашема Мохаддеса. Тегеран: Раса.

Хандемир, Гийас ад-дин ибн Хумам ад-дин (1333/1954). *Хабиб ас-сийар*. Т. 4. Тегеран: Хайям, 1333/1954.

Хандемир, Гийас ад-дин ибн Хумам ад-дин (1372/1993). *Хатима-и хуласат ал-ахбар фи ахбар ал-ахийар*, под ред. Мирхашема Мохаддеса. Тегеран: Раса.

Хатаи, Сайид 'Али Акбар (1372/1993). *Хатаи-наме*, под ред. Ираджа Афшара. Тегеран: Марказ-е аснад-е фарханги-йе Асия.

Хафиз Абру (2001). *Зубдат ат-таварих*, под ред. Сейеда Камалы Хадж-Сейед-Джавади. Т. 4. Тегеран: Вазарат-е фарханг ва эршад-е эслами.

Хейрандиш, Абдоррасул (1378/2000). *Бар-амадан ва фармаравайи-йе Теймур; канкаш дар мабади-йе йек эмператори. Кетаб-е мах-е тарих ва джография*, 4. С. 15–19.